

ЮБИЛЕЙ

Имя Любови Орловой известно каждому. «Веселые ребята», «Волга-Волга», «Цирк», «Встреча на Эльбе», «Весна»... Кто не видел этих фильмов! А для тех, чья молодость пришлась на 30-е и 40-е годы, героини комедий Григория Александрова с Любовью Орловой, вернее — сама Любовь Петровна, стала эталоном красоты, молодости, женственности.

Свой путь к звездной судьбе Любовь Орлова начинала в музыкальном театре у Вл. И. Немировича-Данченко. Ее первыми словами на сцене была реплика в оперетте «Дочь Анго» — «Да, гражданка. Нет, гражданка. Слушаюсь, гражданка». Затем — главные партии в «Перикле» и «Корневильских колоколах».

Слава Орловой так велика, что актрису нельзя представить вне экрана. Но ее творческая отвага обеспечила ей прочный успех и на драматической сцене. Свою театральную судьбу Любовь Петровна связала с Театром имени Моссовета, где сыграла центральные роли во многих спектаклях.

На днях Любови Петровне Орловой исполнилось бы 90 лет. Как эта дата несовместима с ее вечно молодым обликом!

Ее героини знают все. Я же хочу рассказать о ней как о человеке.

ПРЫГНУТЬ В НЕБО НЕЛЕГКО — ЗВЕЗДЫ ОЧЕНЬ ДАЛЕКО!..

Популярность Орловой была феноменальной, уникальной. Ее влияние на людей, эмоциональное воздействие ее личности, вызывающей желание подражать, было на грани гипноза. Один психиатр мне рассказывал, что в свое время было зафиксировано душевное заболевание — «синдром Орловой». Женщины до безумия стремились быть похожей на нее, мужчины сходили с ума от мыслей и мечтах о ней.

«Синдром Орловой»... «Феномен Орловой»... Можно себе представить силу любви к ней, если ее именем могли, например, остановить панику эвакуации. Об этом мне рассказывал Григорий Васильевич Александров. В одном из городов немцы были уже на подступах. Люди в ужасе брали штурмом поезда. Тогда срочно обклеили город афишами Орловой. И сразу прошел страх. Если Орлова дает здесь концерт, значит, опасности быть не может. Паника была остановлена.

Я так и слышу голос Любочки: «Гриша, помолчите, пожалуйста! Маша опять останется голодной». Да, они всегда были на «Вы», а я за этим столом всегда оставалась голодной, потому что забывала обо всем, слушая Григория Васильевича. Он был гениальным рассказчиком! Любил имена: «Моя подружка Марлен Дитрих...». «Когда мы с Любочкой ездили к Чаплиным...», «Помните, Любушка, в Италии епископ рассказывал нам анекдот!».

Сейчас понимаю, что все надо было записывать. Но тогда казалось, что все запомнишь навсегда и вообще так будет всегда...

Любочка и моя бабушка (мамина мама) — родные сестры. Любовь Петровна и Нонна Петровна. «Нонночка, королева моя!» — встречала нас с бабушкой Люба в своем внуковском доме. Вот они обе — бесконечно красивые, совершенно непохожие внешне и с совершенно одинаковыми голосами. «Мою обожаемую сестренку поздравляю...» — нашла я старую Любину записочку к бабушке. А вот и пожелтевший листок с поздравлениями по поводу моего девятнадцатилетия: «...и пусть Бог бросит цветы счастья на пути твоём...». Кто и кому сейчас напишет так. Да, мои бабушки здорово испортили мне жизнь. После их ухода несовершенство мира и человечества стало очевидным уже в маловыносимой степени.

В детстве я старалась не говорить о том, что одна из моих бабушек — Любовь Орлова. Реакция всегда была равносильна взрыву. И, конечно же, каскад вопросов: какая она? Всемирно известная кинозвезда,

лучшая исполнительница ролей ударниц и домработниц принадлежала к старинным дворянским фамилиям. Жена репрессированного, она была любимой актрисой Сталина, многократным лауреатом Сталинских премий, депутатом Верховного Совета СССР. Первый муж Любови Петровны А. Берзин сидел и на царской каторге, а затем бесчисленное количество раз арестовывался и выпущался в 20-е годы, пока, наконец, не был посажен в 1929-м по делу Чайнова.

Ее отец, мой прадед, Петр Федорович Орлов, говорят, шутил, оправдываясь перед своей обожаемой и очень строгой супругой: «Видишь, Женечка, как хорошо, что я проиграл в карты те три имени до 17-го года. Представляешь, как сейчас было бы обидно?».

«Женечку» — Евгению Николаевну, урожденную Сухотину, я хорошо помню. Мать Любови Петровны (моя прабабушка) умерла, когда мне было уже 11 лет. Облик прабабушки соответствовал самым банальным представлениям о «бабушке-графине»: сухонькая, прямая, всегда в черном и с белым жабо, седеющая прическа наверх с пучком. На руках — неизменная болонка с чудовищным характером. У Евгении Николаевны Сухотиной было 12 братьев и сестер. Я о них ничего не знаю, но известно, что каким-то образом они были связаны с теми Сухотинными, что в родстве с Львом Толстым. Во всяком случае рассказ о том, как маленькая Любочка сидела на коленях у великого старца, сопровождал мое детство. А в небольшом светлом холле второго этажа во Внукове между кабинетом Григория Васильевича и комнатой Любови Петровны всегда висела в стекле на самом видном месте детская книга Л. Толстого с его дарственной надписью «Любочке...».

Какая она была? Думаю, что я не знала в жизни более сильного характера.

Помните фильм «Весна», где Любовь Петровна играет ученого физика Никитину и актрису Шатрову? Шатрова — сама женственность, легкость, артистизм, сама весна. И строгая, молчаливая, очень сосредоточенная — Никитина. Скорее такой именно я чаще всего и видела ее дома.

Во время одной из прогулок я сказала: «Какая ты счастливая! Быть такой знаменитой!» «Знаешь, что в этом самое замечательное? — услышала я. — То, что мое имя дает мне возможность очень многое сделать для других». При ее сдержанности такая фраза могла быть только искренней. И

она действительно очень много помогала людям. Ей писала вся страна, и она хлопотала и доставала — путевки, место в больнице, лекарства, квартиры... А однажды пришло письмо от женщины из какого-то провинциального маленького городка. Муж и два сына этой женщины погибли на войне. Когда они уходили на фронт, она посадила в честь каждого по тополи. Мужа и сыновей не стало, а их деревья живут и растут. Но городским властям понадобилось срубить тополя, чтобы расширить проезжую часть около этого дома. Вдова просила защиты, и Люба поехала. Тополя рубить не стали.

В 1982 году я делала радиопередачу о Любови Петровне и получила бесконечное количество необыкновенных писем. Нет необходимости цитировать их в отдельности, они все полны слов благодарности и восторга в адрес Орловой: «прекрасная», «обожаемая», «единственная», «неповторимая», «наша жизнь», «эпоха», «мы называли дочь в ее честь», «она повлияла на мою судьбу»... Все просили повторить передачу. Более того, многие сообщали, что записали ее на кассету и теперь слушают. С тех пор мне ни разу не удалось добиться повтора передачи, и пленку в конце концов просто потеряли. А жаль — там были живые голоса — Александрова, Раневской, Плятта, Зеленой...

Тогда Джим Паттерсон (помните негртенка в фильме «Цирк») хорошо сказал, что в умении Орловой располагать к себе был какой-то удивительный профессионализм. Понятия «профессия», «профессионализм» в данном случае соотносились не только с актерскими, но и с личностными качествами Любови Петровны. Потому что она — высокий пример овладения самой сложной профессией: уметь высоко прожить свою жизнь.

Ее дом носил отпечаток этого прекрасного умения, в нем все было проявлением ее изысканной духовности, вкуса, чувства красоты. Журналы посвящали целые статьи режиму дня Орловой, ища разгадку ее поразительной, опроверга-

ющей законы времени молодости. И в этом сказались ее абсолютно профессиональная требовательность к себе, к своей внешности. Никогда не забуду, как она, заболев и попав в больницу, обнаружила, что изменился цвет ее лица. И первая реакция — она позвонила моей маме и попросила, чтобы она привезла ей губную помаду и кофточку другого цвета — того, что не будет подчеркивать эту перемену.

Владение высокой культурой души и чувств подарило нам легенду Орловой и Александрова — прекрасную легенду человеческих отношений, отблеск которой вспыхнул в овациях зала, когда в ЦДРИ, на вечере памяти Любови Петровны, Григорий Васильевич вышел и сказал: «Мы прожили 42 года, и это было 42 года счастья». И зал аплодировал стоя красоте людей, сумевших так долго хранить то, что так хрупко и так трудно хранимо.

Я помню ее слова о первой их встрече на кинопробе для «Веселых ребят»: «Я увидела золотоволосого бога — и все было кончено»... И никогда не забуду рассказа Григория Васильевича об их последнем прощании. Ей было уже совсем плохо, она позвонила из больницы, попросила его немедленно приехать. Когда он вошел, она успела сказать: «Как вы долго!» — и больше уже не приходила в себя. «Это был первый ее упрек за всю нашу жизнь», — сказал он...

У Достоевского часто встречается мысль: «победишь себя — победишь весь мир». Имя Любови Петровны стало для многих реальным воплощением мечтаний о человеческом совершенстве и вечной молодости, о неисчерпаемости творческих возможностей таланта. При всей пленительной уникальности ее личности и ее жизни в них — обнадеживающая достоверность. И ей никогда не будет больше 38 лет — ни на один день! — как утверждала ее героиня в спектакле «Милый лжец».

М. ГОЛИКОВА.

● Родители Любови Орловой.